

Д-страна.

Се Фусюэ с мрачным выражением лица уставился в экран смартфона.

Страница диалога между ними так и осталась открытой. Его руки мелко дрожали, словно у больного Паркинсоном.

Обычная, привычная ему маска мягкой и фальшивой улыбки больше не держалась; он весь сотряслся от паники, однако уже через мгновение заставил себя успокоиться.

Он почувствовал, что что-то не так, и это ощущение повергло его в ужас.

Словно скользкая рыба, которую он сжимал в руках, вдруг выскользнула и уплыла.

Се Минчжу сейчас явно был в него влюблен, так как он мог сказать нечто вроде братской любви?

Се Фусюэ начал лихорадочно анализировать всё произошедшее, чувствуя, что где-то допустил ошибку — ведь невозможно, чтобы послушная собака вдруг обернулась и перестала узнавать своего хозяина.

Он нервно закусил кончик пальца, и край ногтя оцарапал подбородок, выступила капля крови. Запах крови помог ему быстро прийти в себя.

Он снова взял телефон и набрал номер Чу Аньлиня.

Если в деловых кругах города А и говорили о переменах, то половину из них затевала семья Се, а другая половина принадлежала семье Чу.

Чу Аньлинь был известен как избалованный гуляка, и Се Фусюэ стоило немалых трудов, чтобы когда-то зацепить его на крючок.

Чу Аньлинь обожал видеоигры, поэтому Се Фусюэ освоил все игры, в которых тот был силен. Думаете, он хотел быть великим мастером и вести брата за собой? Нет, просто если уж новичок совершает глупости, то эти глупости должны выглядеть мило, иначе это роняет его статус.

К счастью, все старания не прошли даром: Чу Аньлинь был очарован им до безумия и даже готов был пойти против своей семьи ради него.

После того как он уехал за границу, Чу Аньлинь продолжал ходить за ним по пятам, а Се Фусюэ изредка составлял ему компанию в играх, поддерживая их связь.

На звонок ответили мгновенно.

Се Фусюэ остался доволен.

— Аньлинь, это я.

В голосе Чу Аньлиня сквозило нескрываемое возбуждение:

— Фусюэ! Это правда ты! Подожди секунду, я выйду из игры.

На том конце провода отчетливо был слышен треск и стук клавиш. Через некоторое время Чу

Аньлинь затих, радостно прижимая телефон к уху.

— Фусюэ, ты скучал по мне?

— А ты скучал по мне? — Се Фусюэ мастерски парировал вопрос.

Хотя Чу Аньлинь и не получил прямого ответа, мягкий голос Се Фусюэ заставил его сердце учащенно забиться.

Чу Аньлинь смущенно ответил:

— Конечно, я скучал! Очень скучал! Дни без тебя — я не могу ни есть, ни спать! Моя душа, кажется, ушла вместе с тобой.

Се Фусюэ тихо рассмеялся:

— Не говори так жутко. Ты в последнее время не видел моего брата?

— Се Минчжу?

Се Фусюэ искал встречи с Чу Аньлинем во многом потому, что после истории с подлинным и фальшивым молодым господином семьи Се он возненавидел Се Минчжу всей душой.

Чу Аньлинь всегда считал, что именно Се Минчжу вытеснил Се Фусюэ, и затаил на него злобу. Он тайне следил за Се Минчжу, пытаясь найти доказательства его противозаконных действий.

Чу Аньлинь ответил:

— В последнее время я за ним не следил, а что случилось?

Се Фусюэ, конечно, не стал прямо говорить, что отношение брата к нему изменилось, и принялся лгать на ходу:

— Двоюродный брат сказал мне, что мой старший брат очень занят и совсем не находит времени на общение с ним. Я решил разузнать, что происходит.

— Э-э... ну!

Чу Аньлинь, хоть и ненадеялся на Се Минчжу, ради Се Фусюэ поддерживал с ним видимость приятельских отношений.

Чу Аньлинь усмехнулся:

— Раз так, я действительно должен навестить этого великого трудягу. Как он может игнорировать младшего господина Се?

Се Фусюэ ответил:

— Тогда побеспокою тебя.

Чу Аньлинь сказал:

— Не беспокойся, совсем не беспокойся! Если бы ты чаще меня беспокоил, я был бы только

рад!

Чу Аньлинь хотел было еще что-то рассказать об играх, но Се Фусюэ сослался на дела и закончил разговор.

Чу Аньлинь вовсе не думал, что Се Фусюэ не любит игры, он искренне считал, что тот просто очень занят.

Но стоило ему положить трубку, как у него возникли сомнения.

Се Минчжу в последнее время перестал преследовать Се Фусюэ, как прилипчивая собака, так чем же он был занят?

.

Разобравшись с делами босса, Бай Тун вернулся домой.

Похоже, результат консультации был весьма удачным, так как Се Минчжу написал Бай Туну, что уже подобрал жилье.

Это привело Бай Туна в такой восторг, что он даже дождался восьми часов вечера и отправился в супермаркет за коробкой утки в медовом соусе. Поскольку он ел немного, маленькой порции было как раз достаточно.

Однако он не успел даже попробовать утку, как ее утащил Пэн Фань.

— Воруешь еду в одиночку? — Пэн Фань, избалованный домашними, привык, что утиные ножки всегда принадлежали ему. Он не видел в этом ничего предосудительного и одним укусом уничтожил половину ножки.

Бай Тун был в таком гневе, что его глаза наполнились слезами:

— Отдай обратно.

Он приподнялся, на его лице почти не было эмоций.

Пэн Фань впервые услышал, как Бай Тун огрызается, и был слегка удивлен.

— Если есть силы — попробуй отними сам.

Пэн Фань пристально посмотрел на него: потолочная лампа безжалостно освещала лицо Бай Туна.

На лице не читалось никаких чувств, но в его глазах скрывалось столько эмоций, что их невозможно было утащить: обида и немой укор.

Изящные черты лица в свете лампы были видны как на ладони, а нежная, белая кожа напоминала молочное желе.

Похудев, он сохранил легкую припухлость щек, и, вероятно, от злости уголки его глаз слегка порозовели.

Кто-то когда-то говорил, что только у людей с очень светлой кожей можно заметить такой слабый розовый оттенок; у таких людей врожденно меньше пигментации, поэтому кожа везде кажется слегка розоватой.

Пэн Фань приподнял бровь, глядя куда-то в сторону, явно рассеянно.

И в этот момент замешательства Бай Тун воспользовался шансом и дернулся рукой.

— И вправду полез?

Пэн Фань никак не ожидал, что тот решится на такое, и машинально отвел утиную ножку в сторону, противоположную движению Бай Туна.

Однако он не предвидел, что Бай Тун с самого начала только этого и ждал. Он намеренно потянулся влево, чтобы вынудить Пэн Фаня сдвинуть утиную ножку вправо, только вот...

Пэн Фань ничуть не разволновался, другой рукой он крепко перехватил запястье Бай Туна.

Запястье было тонким, кожа нежной, мягкая плоть проминалась под пальцами — эта мягкость заставила Пэн Фаня на миг потерять концентрацию.

Удерживая накренившееся тело юноши, Пэн Фань произнес:

— На этот раз тебе не выкрутиться, верно?

— Кто сказал, что у меня нет выхода?

Тот, чье запястье было в плену, дернулся, словно заяц.

Сила, скрытая в его мышцах и костях, вмиг обожгла ладонь Пэн Фаня. Казалось, он держит его в руках, но удержать уже невозможно.

Пэн Фань был потрясен. В его расширенных зрачках запечатлелся образ смеющегося Бай Туна.

Кадр за кадром его улыбка отпечатывалась в памяти, пока Бай Тун не впился зубами в большую утиную ножку.

Откусив кусочек, Бай Тун, не мигая, уставился на Пэн Фаня. Его маленькие губы быстро двигались, прожевывая мясо, а затем, когда он проглотил его, он прикрыл свои округлые глаза, отчего краснота в уголках глаз стала еще заметнее.

Он прокомментировал:

— Очень вкусно. А ту ножку я уже надкусил, на ней теперь моя слюна. Если не собираешься есть, отдай мне.

— ...Черт, — лишь спустя некоторое время Пэн Фань обрел дар речи. — Играешь грязно, да?

У Пэн Фаня была легкая степень брезгливости, и к вещам, на которых была чужая слюна, он ни за что не прикоснулся бы.

Он опустил утиную ножку и брезгливо махнул рукой, лицо его почернело от досады.

Он откинулся назад, с недоумением глядя на Бай Туна.

В его воспоминаниях Бай Тун давно превратился в некое подобие полезного инструмента.

Тот ребенок, что когда-то появился в их семье, был довольно пухлым. Пэн Фань тогда жил в общежитии и не имел времени заниматься этим неожиданно появившимся младшим братом.

К тому же этот брат был молчаливым и неуклюжим, и при каждой встрече почти ничего не говорил.

Со временем Пэн Фань начал относиться к нему как к домашней прислуге, не обращая особого внимания.

Но сегодняшняя выходка неожиданно заставила его сфокусироваться на Бай Туна.

Оказывается, он маленький хитрюга.

А утиную ножку жалко, ведь он ее только надкусил.

Нет, постой.

Надкусил?

Разве на ней теперь нет и его собственной слюны?

Пэн Фань был в шоке.

От этого шока дрожали руки.

От этого шока дрожали ноги.

С искаженным лицом он уставился на Бай Туна.

Уголки губ Бай Туна испачкались в соусе. Заметив взгляд Пэн Фаня, он стер его пальцем и слегка облизал подушечку, издав едва слышный звук «чмок».

Пэн Фань оставался в шоковом состоянии.

На лице застыло спокойствие взрослого человека, но внутри бушевал настоящий шторм.

Он... он... прямо у него на глазах съел его слюну!

А потом, прямо у него на глазах, облизал палец!

В конце концов, он был не из тех, кто не видел жизни, и подобные сцены, которые обычно встречаются лишь в фильмах для взрослых, заставили его кровь закипеть, а в голове не осталось ничего, кроме похабных мыслей.

Похабные мысли сеялись в его сознании, требуя выхода.

Но в то же время он подумал: не может быть, чтобы это было правдой. Хотя этот человек и впрямь был до неприличия красив, к тому же самостоятельно построил карьеру, был выдающимся молодым человеком и не имел вредных привычек, стоит вспомнить, что для него самого это была первая любовь.

Боже мой! Да он же просто само совершенство, разве нет?

Разве такой достойный человек не заслуживает того, чтобы его соблазнили?

Поразмыслив, Пэн Фань осознал суровую реальность:

Бай Тун определенно пытается его соблазнить!

После этого озарения его взгляд на Бай Туна изменился.

Ну посмотрите, посмотрите! Разве нормальный ребенок, поедая утку по-пекински, будет облизывать уголки губ? Причем раз за разом?

Смотрите, какой у него манящий взгляд: стоит ему слегка скользнуть по тебе, кажется, будто он собирается поцеловать.

Чем дольше Пэн Фань смотрел, тем сильнее краснели его уши.

Нет, нельзя обращать на это внимание.

Чем больше Пэн Фань твердил себе это, тем сильнее его глаза тянулись в ту сторону.

Маленький кусочек, еще один... Неужели у него такой крошечный ротик?

Откусит, подождет минуту, оближет уголок рта, снова откусит, опять подождет минуту, снова оближет...

Тс-с!

Пэн Фань ударил ладонью по столу: Ты не можешь нормально поесть?

Бай Тун странно взглянул на него, вздохнул и пододвинул остатки коробочки с уткой в медовом соусе к Пэн Фаню: Я больше не могу, а ведь я это купил.

? Пэн Фань почувствовал, что фразы звучат как-то бессвязно.

Бай Тун добавил: Съешь, а потом отдашь мне половину стоимости.

Ну и ну.

Теперь он понял.

Раз он сам купил эту утку, но не может доесть, то отдает её ему, да еще и требует за это половину денег.

Что за наглость!

Он что, помешался на деньгах?

Пэн Фань холодно хмыкнул: Раньше ты не осмеливался просить у меня деньги.

Бай Тун, всё с тем же бесстрастным лицом, ответил: Тогда отдай сразу и за всё прошлое, я не против.

Хотя остатки утки не были грязными, у Пэн Фаня не было привычки доедать за другими.

Не заплатишь — не смей прикасаться, — Бай Тун, словно боясь, что у него снова всё отберут,

поспешно придвинул утку к себе и в придачу свирепо откусил кусок.

Этот его мелочный нрав и привычка защищать свою еду делали его похожим на дикого котенка, которого невозможно приручить.

И всё же, то, как он ел — сосредоточенно, серьезно... — выглядело необычайно аппетитно.

Последние два дня Пэн Фань был слишком занят, питался тем, что готовила его мать, и аппетита у него совсем не было, он не мог проглотить ни кусочка.

Но сейчас, глядя на то, как Бай Тун ест кусочек за кусочком, он внезапно почувствовал голод.

Голод накатил быстро и резко, живот тут же заурчал.

Он сглотнул слюну: чем дольше он смотрел, как ест Бай Тун, тем сильнее хотелось есть самому.

Особенно в те моменты, когда Бай Тун, охраняя свою порцию, сердито поглядывал на него своими красивыми глазами.

Он был голоден как никогда.

<http://bllate.org/book/21952/2280875>